

О. А. Степаненко

Курган, Россия

**КОНЦЕПТ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВОЙ
БИОГРАФИИ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА**

Аннотация. Исследуется концепт «свой — чужой» в немецком лингвокультурном пространстве. Материалом исследования послужила языковая биография немецкого этноса в период существования двух немецких государств и в первые годы после объединения Германии. В статье анализируются различные модификации концепта «свой — чужой», объективируемые в немецком языке.

Ключевые слова: концепт; дискурс; немецкий этнос; языковое интервью; «свой — чужой».

Сведения об авторе: Степаненко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.

Место работы: Курганский государственный университет.

Контактная информация: 640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
e-mail: olgastepanenko@list.ru.

О. А. Stepanenko

Kurgan, Russia

**CONCEPT «FRIEND-FOE» IN LANGUAGE
BIOGRAPHY OF THE GERMAN NATION**

Abstract. The paper deals with the concept “FRIEND — FOE” in German linguocultural space. Language biography of the German nation in the period of existence of two Germanies was the material for the study. Special attention is paid to different modifications of the concept “FRIEND — FOE” objectified in the German language.

Key words: concept; discourse; German nation; language interview; “friend — foe”.

About the author: Stepanenko Olga Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology.

Place of employment: Kurgan State University.

Комплекс представлений «свои — чужие» рассматривается как историко-культурный и социально-политический феномен, играющий весьма заметную роль в истории человечества. В многочисленных исследованиях общего и специального характера предпринимаются попытки наметить основные аспекты проблемы сосуществования «своих» и «чужих», указать возможные пути ее решения [Васильев 2007: 27].

Как известно, «четкое противопоставление „своих“ и „чужих“ возникало у различных этносов или этнических общностей и подкреплялось различием языка (выделено нами — О. С.), верования, моральных норм и образа жизни». В свете этого формулировка темы исследования «Концепт „свой — чужой“ в языковой биографии немецкого этноса» может показаться сомнительной, однако следует принять во внимание, что «граница между „своим“ и „чужим“ не определена раз и навсегда, но разворачивается в процессе исторического развития» [Луцицкая 2007: 122]. Другими словами, если раньше «представление о „чужих“ организовывалось вокруг категории пространства», то «теперь оно стало восприниматься в связи с категорией времени» [Там же: 132].

В качестве исходной гипотезы мы выдвинули следующее положение: различные грани концепта «свой — чужой» наиболее ярко репрезентированы именно в «языковой биографии» немецкого этноса. Поясним, что термин «Sprachbiographien» (языковые биографии) принадлежит немецким исследователям У. Фикс и Д. Барт [Fix, Bart 2000]. Вслед за ними мы понимаем под языковой биографией описание языковой жизни этноса (в данном случае немецкого). Такая трактовка логично вытекает из

определения биографии как «описания жизни человека или его жизни» [СЭС 1981: 142]. В словаре немецкого языка [Wahrig 1968: 711] дана следующая дефиниция слова «биография»: «Biographie — Lebensbeschreibung zu griechisch „bios“ „Leben“ + „graphie“ „schreiben“» («Биография — описание жизни; от греческих слов „bios“ „жизнь“ + „graphie“ „писать“»).

Кроме того, в рамках данной статьи используется понятие „этнос“, что далеко не случайно. С опорой на авторитетное мнение Ю. П. Платонова [Платонов 2003: 447], этнос здесь рассматривается «как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)». В контексте нашего исследования данное понятие представляется более актуальным, чем, например, понятие «народ», обозначающее «население государства, страны» [Платонов 2003: 437].

В отличие от лингвокультурных пространств других этносов, у немцев концепт «свой — чужой» представлен не только внешним, но и внутренним аспектом, который, как показывает весь ход исторического и социокультурного развития данного этноса, столь же важен. Под «внутренним» аспектом понимаем следующее: ставшие «чужими» друг для друга после 1945 г. восточные немцы (граждане ГДР) и западные (граждане ФРГ) оставались таковыми не только в течение сорока пяти лет, но и значительно дольше. Такое восприятие и отношение друг к другу выражают следующие высказывания,

принадлежащие соответственно западным и восточным немцам: *Wir sind ein Volk* (*Мы — народ*; подразумевается единство) и *Wir auch* (*Мы — тоже*). Этот обмен репликами на первый взгляд можно воспринять как шутку, если бы он не отражал реальную ситуацию. Чувство отчужденности, ощущение себя «чужими» среди «своих» долгое время не оставляло бывших граждан ГДР, которые и после объединения Германии в 1990 г., находясь, казалось бы, в привычном для себя окружении, столкнулись с чуждой идеологией, иными нормами и ценностями, культурными канонами. Внутренний аспект сложного концепта «свой — чужой», таким образом, связан не столько с категорией пространства, сколько с категорией времени. Это отражается и в языковой биографии немецкого этноса, поскольку язык, как показывают тексты, относящиеся к различным типам дискурсов, и лексикографические источники, отражает время, изменяется и существует во времени. Язык дает нам ощущение «духа времени» («Zeitgeist»), но и время, по справедливому мнению В. С. Юрченко, является ключом к пониманию языка [Юрченко 2005: 31].

Что можно сказать о времени и тех общественно-политических изменениях, которые переживала Германия после окончания Второй мировой войны? Поражает не только неординарность самих событий, но и чрезвычайно стремительный темп их развития, характеризую который, Кристина Тейхман весьма удачно, на наш взгляд, употребила лексему *Zeitraffertempo* [Teichmann 1991: 252], русским эквивалентом которой будет словосочетание *плотный темп* или *концентрированный темп*. Эквивалент «вбирает» в себя семантическую структуру глагола *raffen* (быстро, поспешно взять, схватить, накопить, взбивать) [Wahrig 1968: 2937], включающую среди прочих сему «быстроты, поспешности», и семантику лексемы *Zeitraffer* (метод, с помощью которого фотографии при повторном просмотре быстрее прокручивают) [Wahrig 1968: 4218]. К. Тейхманн употребляет это слово, говоря о событиях периода, являющегося в истории Германии «поворотным» («Wende»): *Vieles vollzog sich regelrecht im Zeitraffertempo, so dass für den Wissenschaftler eine Beobachtung gerade noch möglich war, aber kaum ein gründlicheres Nachdenken und Analysieren der Vorgänge in der Gesellschaft* [Teichmann 1991: 252] / *Многое происходило по-настоящему в плотном темпе, так что ученые могли только наблюдать, не имея возможности для более тщательных размышлений и анализа процессов, происходящих в обществе* (перевод здесь и далее наш — О. С.).

Прежде чем обратиться к материалу нашего исследования — конкретным языковым фактам, объективирующим концепт «свой — чужой», — отметим, вслед за В. А. Масловой, что данное противопоставление — один из главных концептов коллективного, массового, народного, на-

ционального мироощущения [Маслова 2007: 8]. Более того, в силу определенных социально-политических и культурно-исторических условий существования Германии, данный концепт следует, на наш взгляд, признать «культурогенным» (термин В. И. Карасика), входящим в ядерную зону концептосферы немецкого этноса.

Как известно, в современной лингвистике под концептом понимается некая ментальная единица, репрезентированная различными языковыми средствами. Концепты возникают в мышлении, хранятся в памяти, определяют ментальность и выражаются в языке. В качестве исходной нами принята следующая дефиниция концепта: «Концепт — дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 34].

Концепты, репрезентированные в языке антонимами, например «огонь и вода», «свет и тьма» [см.: Хайруллина 2009; Григорьева 2006], определяют как бинарные оппозиции, т. е. «объединения концептов, которые построены на антонимичности наиболее общего и частных содержательных признаков и средств их выражения» [Хайруллина 2009: 3]. В отношении комплекса концептов «свой — чужой» оправдана, на наш взгляд, иная точка зрения, представленная в отдельных исследованиях [Петрова 2006; Григорьева 2009], согласно которой данный комплекс трактуется как бинарный, или дихотомический концепт. Различные подходы и интерпретации объясняются прежде всего многомерностью ментального объекта, стоящего за именем «свой — чужой». Основанием для того, чтобы считать антонимическую диаду «свой — чужой» репрезентантом сложного ментального образования — бинарного концепта, считаем специфику функционирования комплекса «свой — чужой» в немецком лингвокультурном пространстве, которая состоит в теснейшей взаимосвязи и взаимопроникновении элементов данного комплекса. Позволим себе провести аналогию: концепт «свой — чужой» представляет собой некий гетерогенный «сплав», сложную структуру, в рамках которой происходят различного рода превращения, подобный бинарным сплавам «(от латинского *binarius* — *двойной*)», состоящим из двух компонентов (металлов или металла и неметалла) [СЭС 1980: 141].

Обратимся к материалам нашего исследования, в частности к интервью на тему языка, взятым У. Фикс и Д. Барт у бывших граждан ГДР с 1994 по 1996 г. [Fix, Bart 2000], а также к лексемам, репрезентирующим указанный кон-

цепт, которые приводят немецкие авторы в контексте проблемы дивергентного развития немецкого языка в Германии до и после ее объединения [Müller 1994; Teichmann 1991; Roche 1991]. В ходе анализа языкового материала раскрывались различные грани концепта «свой — чужой», тесно связанные с исторической действительностью немецкого этноса, с важнейшими политическими событиями и периодами XX в., среди которых выделяют следующие: «поворотный» момент в истории Германии, ее объединение, общественно-политическая реальность в стране после объединения.

В связи с вышесказанным можно выделить различные грани концепта «свой — чужой», представленного следующими вариантами:

1. «**Ostsprache**» (немецкий язык в ГДР) — «**Westsprache**» (немецкий язык в ФРГ до объединения).

2. «**Langue de bois**», «**hölzerne Sprache**» (официальный язык в ГДР, получивший название «деревянного») — «**normales Deutsch**» («нормальный» немецкий язык, т. е. язык, на котором общались дома, в кругу друзей и т. д.).

3. «**Die Sprache der Wende**» (язык «переломного», «поворотного» момента в истории немецкого этноса): «**der herrschende Diskurs**» (господствующий, или официальный дискурс) — «**der oppositionelle Diskurs**» (оппозиционный, или неофициальный дискурс).

4. «**Ostdeutsche Sprechkultur**», «**Deutsch sprechen hier**» (культура речи восточных немцев — бывших граждан ГДР) — «**Westdeutsche Sprechkultur**», «**Deutsch sprechen dort**» (культура речи западных немцев — граждан ФРГ в период до объединения Германии).

Рассматривая концепт «свой — чужой», объективируемый в языковой биографии немецкого этноса различными языковыми средствами, подчеркнем многообразие его вариантов, тесно связанных с категорией времени в контексте немецкой истории. Обратимся к первому варианту данного концепта, репрезентированному как «Ost-/West-Sprache». Требуется ответить на следующие вопросы: 1. Насколько оправдано мнение, принадлежащее Л. Макензену [цит. по: Домашнев 1991: 5] о «языковом расколе»: *Gespaltenes Deutschland — gespaltene Sprache? (Разделенная Германия — разделенный язык?)* 2. Существовали ли два варианта немецкого языка как *самостоятельные национальные* варианты языка? 3. Повлекло ли за собой политическое объединение Германии исчезновение языковых различий, присущих немецкому языку в ГДР и ФРГ до объединения?

Изучением различий немецкого языка в ГДР и ФРГ занимались многие немецкие германисты, среди которых следует назвать следующих: В. Нойман, Г. Лангнер, Г. Штарке, В. Клемперер, Х. Мозер, М. Хельман. Их работы характеризуются определенным рода «издержками», продиктованными соответствующей идеологией — имеем в виду прямолинейность в толковании явлений социалистической и капиталистической действительности и субъективизм.

Однако, несмотря на заблуждения и ошибочные трактовки, заслуга ученых и писателей Германии, не равнодушных к происходящему, несомненна, поскольку благодаря их деятельности открывается возможность реконструировать прошлое, ставшее историей.

Одним из первых, кто обратил внимание на такое явление, как *Entfremdung (отчуждение)* в немецком языке, был В. Клемперер, сравнивший наметившуюся дивергенцию в немецком языке между Востоком и Западом (ГДР и ФРГ) с различиями английского языка в США и Англии. Одну из главных причин этого ученый видел в том влиянии, которое испытывал немецкий язык со стороны русского языка (в ГДР) и английского (в ФРГ). В. Клемперер так высказывает свои опасения по этому поводу: *Das Merkwürdigste und Bedrohliche an der deutschen Sprachsituation ist nun dies, dass der Wind aus Osten nur über einem Drittel unseres Vaterlandes weht; ..., in allen den Westmächten unterteilten Teilen Deutschlands, herrscht nicht etwa Windstille, sondern die entschiedenste Gegenbewegung* [Klemperer 1953] / *Самое странное и опасное в немецкой языковой ситуации то, что ветер с Востока веет только над одной третью нашего Отечества; ... во всех частях Германии, подвластных западным державам, царит не затишье, а самое решительное движение в противоположном направлении.* Трудно не согласиться с мнением А. И. Домашнева [Domaschnew 1991: 1], который полагал, что при этом В. Клемперер имел в виду не столько влияние чужих языков, сколько чуждых идеологий, объективируемых средствами этих языков. Проблема языковой дивергенции в Германии волновала и других ученых и писателей, подчеркивавших нежелательность данного явления. Так, Г. Мюллер [Müller 1994: 119—120] в этом контексте приводит следующие высказывания Х. Мозера и Ф. С. Вейскопфа: *Gefahr einer sprachlichen Spaltung, nicht nur im politischen Bereich (опасность языкового раскола не только в политической сфере); Gefahr der Sprachentfremdung (опасность языкового отчуждения).*

Неослабевающее внимание к проблеме языкового отчуждения (особенно в 60-х и 70-х гг. XX в.) не было случайным и объяснялось в первую очередь политико-идеологическими причинами. Как отмечает известный немецкий историк Отто Данн [Dann 1996: 364], в семидесятые годы XX в. фактически уже не существовало общенемецкой нации и общей национальной идентичности, так что вопрос о формировании единой нации оставался для немецкого этноса долгое время открытым. По словам ученого, существовала такая формулировка: *Eine deutsche Nation in zwei Staaten (немецкая нация в двух государствах)* [Dann 1996: 362]. Более того, согласно отчету ЦК СЕПГ, Центрального

комитета Социалистической единой партии Германии (ГДР), на восьмом съезде партии было заявлено о развитии «нового типа нации — социалистической нации». Следующая цитата говорит сама за себя: *Während sich in der DDR, im sozialistischen deutschen Staat, diese sozialistische Nation herausbildet, besteht in der BRD ... die bürgerliche deutsche Nation fort* [Domaschnew 1991: 6] / *В то время как в ГДР, социалистическом немецком государстве, формируется эта социалистическая нация, в ФРГ ... продолжает оставаться буржуазная немецкая нация.* Данное заявление не осталось без внимания немецких ученых-германистов, среди которых были Г. Штарке, Р. Бок, Х. Лангнер и другие. В новых социально-политических условиях эти ученые своими высказываниями весьма прозрачно поддерживали официальный политический курс (в данном случае в ГДР), утверждая следующее: *...dass die Gemeinsamkeit der Sprache allein nicht ausreicht, die Zugehörigkeit zu einer Nation zu beweisen* [цит. по: Domaschnew 1991: 6] / *...недостаточно только общности языка, чтобы доказать принадлежность к одной нации.* С одной стороны, это действительно так, но, с другой стороны, если учитывать тогдашнюю ситуацию — существование двух немецких государств, — становится понятным, что такое суждение вполне совпадало с политическим курсом, проводимым правительством ГДР, так как различия в языке двух немецких государств могли быть интерпретированы как два **национальных** варианта немецкого языка.

Вариант концепта «свой — чужой», обозначенный нами как «Ost-/West-Sprache», репрезентирован многочисленными лексическими средствами, предпочтительно употребляемыми соответственно восточными и западными немцами, причем как до объединения Германии, так и после него: *Kosmonaut — Astronaut; Brigade als Arbeitskollektiv — Brigade als militärische Einheit; Stadtbezirk — Bezirk; Mohrrübe — Möhre; Strassenbahn — Tram; Kindergarten — Kita; Broiler — Hähnchen.* Весьма показателен в этом отношении приведенный ниже контекст, обыгрывающий анекдотичную с точки зрения самих немцев ситуацию, характерную для начала существования объединенной Германии: *An einem Ostberliner Stand wurde 1992 die Ware als Hähnchen angeboten, aber mit dem Zusatz: „Hier dürfen Sie noch Broiler sagen!“* [Müller 1994: 130] / *В одном из ларьков Восточного Берлина в 1992 г. товар предлагался под вывеской „Hähnchen“ („цыпленок“), но с припиской: „Здесь пока еще разрешается говорить ‘Broiler!’.* Кроме лексических различий, в приведенном примере ощущается определенный подтекст: снисходительная интонация, продиктованная чувством превосходства со стороны западных немцев, которые таким образом подшучивают над бывшими гражданами ГДР.

Различия в лексике заключались и в ином толковании значения одного и того же слова,

причем «свой» смысл существенно отличался от «чужого», примером чему служат лексемы *Aggression, Annexion, Kosmopolitismus, Objektivismus* и т. д. Так, различаются дефиниции слова «*Chauvinismus*» в разных изданиях словаря серии «Duden». В словаре, изданном в Лейпциге, дано следующее определение [см. Betz 1964]: *den Hass gegen andere Völker schürender, eroberungssüchtiger Nationalismus* / *национализм, разжигающий ненависть по отношению к другим народам, проводящий захватническую политику.* Дефиниция из другого словаря, изданного в Маннгейме, отличается не столь резким, более мягким и назидательным тоном: *einseitige, überspitzte Vaterlandsbegeisterung; Kriegshetze* / *односторонняя, утрированная любовь к Родине, разжигание войны.* Ряд примеров может быть продолжен, при этом подчеркнем, что различия в толковании касаются не только лексем с идеологической подоплекой, но и таких слов, как *Unterhaltung* (беседа), *Bilanz* (итог), *Initiative* (инициатива), *planen* (планировать). Как справедливо отмечает В. Бетц, немецкий язык можно рассматривать как *Homonyme-Sprache* (язык омонимов) [Betz 1964: 178]. Наряду с этим немецкий язык отличается и широко распространенной полисемией, по поводу которой «сокрушается» П. фон Поленц. Сложность в употреблении и понимании немецкого языка продиктована, на его взгляд, именно данным явлением, которое он характеризует с помощью яркого оценочного эпитета — «коварный»: *tückische Polysemi* (коварная полисемия) [цит. по: Müller 1994: 130].

Заметим, что факт существования двух словарей серии «Дуден» привел к появлению выражения *der geteilte Duden* — *разделенный Дуден* (автор этого определения — В. Штейнберг). Атрибут «geteilt» является, на наш взгляд, рекуррентной, более того, лейтмотивной лексемой в немецком лингвокультурном пространстве, т. е. в научном, публицистическом и художественном дискурсах (вспомним, например, роман Кристи Вольф «Der geteilte Himmel» — «Расколотое небо»).

Обратимся к еще одному варианту концепта «свой — чужой»: «*hölzerne Sprache* — normales Deutsch» («деревянный», или «официальный язык» — «нормальный немецкий язык»). Внимание к языковой репрезентации данной грани концепта проявляют многие исследователи, среди которых Г. Мюллер, К. Тейхманн, Р. Рохе и другие. Достаточно интересные наблюдения представляют языковые интервью. Чем же оправдано обращение к жанру языкового интервью? Ответ на этот вопрос содержится в приводимых далее созвучных друг другу мнениях лингвистов и ученых. Так, И. Пригожин, известный бельгийский физик, справедливо полагает, что время является существенной компонентой нашего внутреннего опыта и ключом к пониманию истории человечества *не только на уровне общества, но и на уровне*

отдельной языковой личности [цит. по: Юрченко 2005: 31]. Немецкий лингвист А. Ассманн отмечает важность новой историкографической парадигмы на рубеже прошлого и нынешнего столетия, предполагающей *возвращение от истории к историям* [Assmann 1991]. Языковое интервью следует отнести к сфере устного дискурса. Под дискурсом, вслед за Е. В. Чернявской, мы понимаем «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2006: 75]. Таким образом, языковое интервью представляет собой конкретное коммуникативное событие, направленное на достижение общей коммуникативной цели. В контексте нашего исследования актуально также понимание дискурса, предлагаемое К. Тейхманн, поскольку в данном определении подчеркивается связь текстов одного дискурса и соответствующих событий времени: *Texte eines Diskurses sind in enger Beziehung zum jeweiligen Zeitgeschehen zu sehen* [Teichmann 1991: 254] / *Тексты одного дискурса следует рассматривать в тесной связи с данными событиями времени.*

Как было отмечено ранее, в устных языковых интервью участвовали бывшие граждане ГДР, которые не только поделились своими наблюдениями относительно определенных языковых явлений, но и высказали свои ощущения и переживания в «поворотный» период (Wende) и спустя несколько лет после объединения Германии. Руководители проекта У. Фикс и Д. Барт ставили перед собой цель выявить языковые биографии рядовых граждан Восточной Германии, которые (биографии), на наш взгляд, являются средством реконструкции духа того времени. Не секрет, что восточные немцы испытывали постоянную потребность в оправдании, причем в большинстве случаев не по внутренней необходимости или потребности, а скорее под давлением или нажимом. Именно такой смысл заключает в себе лексема, использованная Д. Бартом в связи с этим, — *Rechtfertigungszwang, 'принуждение к оправданию'* [Bart 2000: 66]. В таких условиях представлялось весьма затруднительным восстановить взаимопонимание, необходимое для истинного единства немецкого общества. Название упомянутого проекта звучало так: «*Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR*» («Язык и употребление языка до и после „поворота“ 1989 г. в воспоминаниях и переживаниях очевидцев из ГДР»). Улла Фикс и Дагмар Барт осознавали, что воспоминания, затрагивающие «болевы́е точки», помогут участникам интервью освободиться от безосновательных упреков, хотя отдельные так называемые *unbequeme Fragen* (неудобные вопросы) воспринимались бывшими гражданами ГДР отрицательно. В данном

контексте, на наш взгляд, слово «Erinnerung» (воспоминание) можно интерпретировать как контекстуальный синоним слова «Rechtfertigung» (оправдание). Считаем, что подобное мнение в виде риторического вопроса озвучено Кристиной Дойсен в заглавии к ее исследованию: «*Erinnerung als Rechtfertigung?*» («Воспоминание как оправдание?»).

Признавая определенную субъективность воспоминаний, восприятий и ощущений каждого участника интервью (было проанализировано 17 интервью), считаем данные языковые материалы общественно значимыми, поскольку индивидуальная память социально окрашена и способна обогатить культурную память любого сообщества. Говоря о соотношении объективного и субъективного, уместно подчеркнуть, что и официальные источники не лишены субъективизма и не могут служить последней инстанцией, гарантирующей истину. Кроме того, справедливо мнение лингвистов, называющих культурную память этноса, закрепленную в текстах, «das halbe Gedächtnis» («половинчатой памятью»), которая должна быть дополнена памятью коммуникативно-языковой [Assmann 1992: 48]. Бесспорно, прав Б. М. Гаспаров, утверждающий, «что всякий акт употребления языка ... представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [цит. по: Карасик 2002: 279].

Одна из особенностей языковых интервью заключалась в том, что в поле зрения их участников были одновременно прошлое, настоящее и будущее. Как показал материал, основное внимание интервьюируемых было сосредоточено на следующих моментах:

1. Восприятие и оценка немецкого языка в ГДР.

2. Первые впечатления, в том числе языковые, в «переломный» период («Wende»).

3. Сопоставление немецкого языка в бывшей ГДР и в «новых землях» спустя несколько лет после объединения Германии.

Давая оценку официальному немецкому языку в ГДР, все участники интервью отмечали его «заидеологизированность». Они признавались: *Ideologie war leicht zu durchschauen / ...идеология легко просматривалась* [Fix, Bart 2000]. Приведем некоторые из характеристик, данных официальному языку в ГДР участниками проекта: *geistige Stagnation und Enge* (духовное загнивание и ограниченность), *keine kritische Stellungnahme, nur sozialistische Alternative* (отсутствие какой-либо критики, только социалистические альтернативы), *stereotype Ausdrücke, phrasehafte Rederei* (наборы шаблонных фраз, фразерская, бессодержательная болтовня). Поскольку официальный язык воспринимался как «чужой» в бывшей ГДР, неудивительно существование большого количества

синонимов с отрицательными коннотациями. Приведем некоторые из этих синонимов, однозначно эксплицирующие отношение бывших граждан ГДР к «своему» и одновременно «чужому» языку: *Schaumsprache* (фразерский язык, пускающий пыль в глаза), *Funktionärsdeutsch* (язык правящей партии), *primitive Sprache* (примитивный язык), *Zeitungsdeutsch* (язык, засоренный газетными штампами), *Behördensprache* (канцелярский язык), *Parteichinesisch* (дословно 'партийный китайский', в переносном смысле — 'непреодолимый, глухой' партийный язык). Все синонимы экспрессивны и образны, выражают яркие эмоции носителей языка, настроенных более чем критично по отношению к языку, обладавшему, по их мнению, следующими свойствами: *Eintönigkeit* (монотонность), *Langweile* (скука), *rhetorischer Glanz* (риторический блеск), *ohne Humor und Metaphern* (отсутствие юмора и метафор). Большинство участников проекта считали себя в некоторой степени жертвами авторитарности немецкого языка в ГДР, который воздействовал постоянно на их сознание за счет повторяющихся языковых средств, определенных шаблонов, что приводило к такому явлению, как *Entdifferenzierung* (обезличивание). Интересно в связи с этим метафорическое замечание одного из участников: *Ich bin DDR-geschädigt in meiner Sprache* (Мне нанесен ущерб в языковом отношении со стороны ГДР).

«Чужому», официально немецкому языку противопоставляется «свой» язык, на котором общались среди «своих». В совершенно иной эмоциональной тональности звучат следующие определения: *normales Deutsch* (нормальный немецкий язык), *ein gutes Deutsch* (хороший немецкий язык), *wohlgeschnittenes Deutsch* (красивый, т. е. 'ласкающий слух' немецкий язык). Таким образом, «чужим» для восточных немцев оказался не только немецкий язык западных немцев, но и официальный немецкий язык ГДР. Близким, «своим» языком был тот, на котором общались дома, в кругу друзей и коллег. В связи с этим следует отметить чувство языка и должную наблюдательность участников проекта, не являющихся филологами. Их суждения и оценки во многом совпадают с мнением лингвистов, занимавшихся данной проблемой. Так, Р. Рохе [Roche 1991: 300] характеризует официальный немецкий язык времен ГДР следующим образом: *gestanzte, hochabstrakte Stereotype, farblose Metaphern* (заштампованные, чрезвычайно абстрактные стереотипы, бесцветные метафоры). К. Тейхманн, анализируя феномен «*hölzerne Sprache*» («деревянного» языка), справедливо обращает внимание на то, что не язык сам по себе является «деревянным» — он становится таким в процессе употребления: *Es ist nicht die Sprache, die das „Hölzerne“ in sich trägt, sondern es ist der spezifische Gebrauch, den man von ihr macht ... es handelt sich um Sprachverwendung in einem ganz bestimmten diskursiven Rahmen* [Teichmann 1991: 254] / *He сам по*

себе язык является „деревянным“, таковым его делает специфическое употребление ... речь идет об использовании языка в рамках определенного дискурса. Относительно официального немецкого языка в ГДР можно сказать, что через язык насаждалась идеология партии (имеется в виду СЕПГ), чуждая рядовому гражданину. Партия решала буквально все и во всех сферах. Не стал исключением и научный дискурс: его форму и содержание определял так называемый *Parteideutsch* (партийный немецкий язык) [Teichmann 1991: 255].

В заключение хотелось бы подчеркнуть сложность структуры концепта «свой — чужой» в немецком лингвокультурном пространстве, связанную с его многомерностью. Как справедливо отмечает А. П. Чудинов, «концепт охватывает все богатство содержания слова и представлений носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым во всем многообразии его качеств, признаков, связей и оценок» [Чудинов 2008: 44].

Проанализированный материал позволяет утверждать, что в языковой биографии немецкого этноса репрезентированы следующие грани рассматриваемого концепта: «*Ost-/West-Sprache*», «*hölzerne Sprache-normales Deutsch*». Эти варианты, «раскрываясь» в процессе изучения соответствующего языкового материала, позволяют понять тесную связь языковой биографии с событиями истории данного этноса.

Совершенно очевидно, что несмотря на определенные тенденции дивергентного развития в лексической системе немецкого языка в ГДР и ФРГ (до объединения), не будет корректным утверждение о языковом «расколе» и возникновении двух **национальных** вариантов немецкого языка. Убедительным аргументом пользу такого мнения является утверждение о том, что грамматическая система немецкого языка, которая формировалась в течение столетий, «прочна настолько, что никакой раскол ей не угрожает» [Domaschnev 1991: 5].

Кроме того, было бы наивно полагать, что сразу вслед за политическим объединением Германии исчезнут все языковые различия, присущие немецкому этносу. Как показала жизнь, по прошествии многих лет после объединения продолжает оставаться актуальной проблема так называемой «языковой стены», озвученная в следующем далеко не риторическом вопросе Кристофа Хейна: «*durch eine gemeinsame Sprache getrennt?*» («...разделены общим языком?») [цит. по: Müller 1994: 119].

Заметим, что не менее важным является изучение других граней концепта «свой — чужой» в немецком контексте, которые предполагается рассмотреть в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л. С. Комплекс «свои — чужие» как историко-культурный и политико-социальный феномен // Мы и они. Конформизм и образ другого. — М. : КДУ, 2007. С. 27—118.

Григорьева О. В. Метафорическое моделирование дихотомии «свое — чужое» в контркультурной рок-лирике США и СССР : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2009.

Григорьева Т. В. Свет и тьма: языковая жизнь концептов : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2006.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.

Лучицкая С. И. Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса // Мы и они. Конформизм и образ «другого» : сб. ст. на тему ксенофобии. — М. : КДУ, 2007. С.119—133.

Маслова В. Н. Homo lingualis в культуре. — М. : Гнозис, 2007.

Петрова М. Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже 20-21 веков : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Рос. гос. гуман. ун-т. — М., 2006.

Платонов Ю. П. Основы этнической психологии : учеб.пособие. — СПб. : Речь, 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007.

СЭС = Советский энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1981.

Хайруллина Д. Д. Бинарные концепты «огонь» и «вода» как фрагменты ЯКМ (на примере английского и татарского языков) : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Татар. гос. гуманит.-пед. ун-т. — Казань, 2009.

Чернявская Е. В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.

Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания. — М. : КомКнига, 2005.

Assmann A. Die Legitimität der Fiktion. Ein Beitrag zur Geschichte der literarischen Kommunikation. — München : Wilhelm Fink Verlag, 1980.

Assmann Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München, 1992.

Betz W. Der zweigeteilte Duden // Deutsch — gefrorene Sprache in einem gefrorenen Land? Literarisches Colloquim. — Berlin, 1964. S. 164 — 178.

Dann Otto. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770—1990. 3. erweiterte Auflage. — München : Beck, Beckische Reihe, 1996.

Domaschnew A. I. Ade, DDR — Deutsch! // Muttersprache. 1991. № 1. S. 1—12.

Klemperer V. Zur gegenwärtigen Sprachsituation in Deutschland. — Berlin : Aufbau — Verl., 1953.

Müller G. Der „Besserwessi“ und die „innere Mauer“ // Muttersprache. 1994. № 2. S. 118—135.

Roche R. Nach Tische liest man`s anders // Muttersprache. 1991. № 4. S. 297—307.

Teichmann Chr. Von der „langue de bois“ zur „Sprache der Wende“ // Muttersprache. 1991. № 3. S. 252—265.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. — Berlin : Bertelsmann Lexikon — Verl., 1975.

ИСТОЧНИКИ

Fix U., Bart D. Sprachbiographien. Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR. — Frankfurt-am-Main : Peter Lang, 2000.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба